

Поповъ П.

О тырскихъ памятникахъ

1904 г.

О Тырскихъ памятникахъ.

Подъ именемъ Тырскихъ памятниковъ извѣстны двѣ каменотесныя плиты, стоящія на вершинѣ отвѣсной скалы Тыръ на правомъ или восточномъ берегу Амура, приблизительно въ 95 верстахъ отъ впаденія его въ море. Присутствіе ихъ было замѣчено и съ нихъ были сдѣланы снимки однимъ изъ первыхъ русскихъ изслѣдователей Амура г. Пермыкинъ и вскорѣ послѣ открытія его для плаванія русскихъ судовъ, обусловленнаго Айгуньскимъ договоромъ 1857 года.

Но по этимъ снимкамъ извѣстный синологъ Архимандритъ Аввакумъ могъ разобрать только заглавіе памятника на китайскомъ языкѣ гласившее: «юнь-нинъ-сы-цзи» т. е. надпись кумирни вѣчнаго спокойствія, да еще молитвенное воззваніе буддистовъ: Омъ-Мани-Падмэ-Хумъ¹⁾.

Вторымъ изъ ученыхъ востоковѣдовъ, обратившимъ вниманіе на эти памятники, былъ нашъ знаменитый синологъ, академикъ В. П. Васильевъ, замѣтка котораго подъ названіемъ «Записка о надписяхъ открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ близъ устья Амура» была помѣщена въ 4 т. Извѣстій Император. Академіи Наукъ за 1896 г. Изъ нея мы узнаемъ, что по крайне плохо сдѣланнымъ первымъ снимкамъ памятниковъ можно было установить только то, что они были поставлены въ ознаменованіе кумирни, которая была построена здѣсь и возстановлена послѣ разрушенія. Къ болѣе подробному разбору памятниковъ и ознакомленію съ ихъ содержаніемъ представилась возможность только послѣ того, какъ извѣстный знатокъ-любитель китайскаго языка М. Г. Шевелевъ сдѣлалъ и доставилъ новый болѣе удовлетворительный снимокъ.

1) Le fleuve Amour par C. Sabir. Paris. 1861. V. Monuments Chinois des environs de Tyr.

ДВ государственная
научная библиотека

✓ 3572628

Въ дальнѣйшихъ извлеченіяхъ изъ этой краткой записки почтеннаго академика мы не видимъ надобности, такъ какъ представляемый нами ниже переводъ надписи одного изъ памятниковъ и извлеченіе изъ другой, хотя и плохо сохранившейся, дадутъ намъ возможность полнаго ознакомленія съ содержаніемъ ихъ. Но мы не можемъ опустить безъ вниманія замѣчанія В. П. Васильева огромной научной важности о томъ, что «первый изъ памятниковъ, кромѣ китайскаго текста, содержитъ еще вѣроятно переводъ его на монгольскій и чжурчжэньскій языки». Но къ этому послѣднему предположенію о существованіи на памятникѣ чжурчжэньскаго текста почтенный ученый отнесся съ нескрываемымъ удивленіемъ и скептицизмомъ, находя страннымъ фактъ употребленія чжурчжэньскаго языка послѣ того, какъ сами чжурчжэни прекратили свое политическое существованіе и родственная имъ маньчжурская династія, до введенія собственнаго алфавита, прибѣгала къ монгольскому языку.

Первый переводъ перваго изъ тырскихъ памятниковъ на русскій языкъ принадлежитъ нашему извѣстному монгологу А. М. Позднѣву. Онъ былъ сдѣланъ имъ въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія (1898?) также со снимка М. Г. Шевелева, но по монгольскому переводу его и помѣщенъ въ его лекціяхъ по исторіи монгольской литературы. При этомъ существованіе на памятникѣ чжурчжэньскаго текста принимается имъ уже за фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Наши замѣчанія по поводу этого перевода помѣщаются ниже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нашему переводу памятника.

Мною также отъ М. Г. Шевелева, еще во время моего пребыванія въ Пекинѣ, своевременно былъ полученъ фотографическій и притомъ только китайскій текстъ перваго и лучше сохранившагося тырскаго памятника. Разобранный и списанный мною текстъ оказался съ значительными пропусками. Предполагая, что археологу-китайцу удастся лучше и полнѣе разобрать текстъ, писанный на его родномъ языкѣ, я обратился за содѣйствіемъ къ находившемуся въ числѣ членовъ Китайскаго Министерства Иностранныхъ дѣлъ, моему хорошему знакомому, извѣстному археологу Юань-чану, который потомъ, къ глубокому сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, былъ казненъ гваріями Ихэтуаньцевъ въ 1900 г. Послѣ тщательнаго изученія памятника и г. Юаню не удалось возстановить ни одного новаго іероглифа. Затѣмъ другія занятія и событія отвлекли надолго мое вниманіе отъ этого памятника и только въ недавнее время, просматривая, изданное 2—3 года тому назадъ, огромное Статистическое Описаніе Гириньской провинціи—Цзи-линь-тунь-чжи, я встрѣтилъ въ послѣдней его главѣ, посвященной археологіи, китайскіе тексты обоихъ тырскихъ памятниковъ, сопровождаемые отдѣльными историческими справками и соображеніями по предмету содержанія

ихъ, которыя показались мнѣ довольноцѣнными. Но самый текстъ перваго памятника оказался съ гораздо большимъ количествомъ пробѣловъ, чѣмъ разобранный мною. До какой степени велико въ немъ количество пустыхъ мѣстъ можно заключить изъ того, что изъ 5 страницъ его составляющихъ на одной мы имѣемъ только 30 іероглифовъ, а на другой 34 вмѣсто 200. Не въ лучшемъ видѣ представленъ въ Описаніи и текстъ втораго памятника, относящагося къ возстановленію кумирни послѣ ея разрушенія съ датою 9-й годъ Правленія Сюань-дэ, т. е. 1434 г. Не имѣя своего текста этого втораго памятника я не беру на себя полного, связнаго перевода его, а ограничиваюсь только возможными извлеченіями.

Первый Тырскій памятникъ.

Надпись на памятникѣ въ Нурганьской Кумирнѣ Юнъ-шицъ-сы (вѣчнаго спокойствія), построенной по высочайшему повелѣнію.

Извѣстно, что качества неба—это высота и свѣтъ; поэтому оно можетъ покрывать (все). Качества земли—это обширность и толщина; благодаря этому она можетъ поддерживать (все). Качества мудреца—это разумъ и премудрость; благодаря этому онъ можетъ радовать ближнихъ, покорять отдаленныхъ, широко благодѣтельствовать и помогать всѣмъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша великая династія объединила Китай, Вселенная наслаждается спокойствіемъ 50 лѣтъ. Весьма трудно перечислить всѣхъ восточныхъ и южныхъ инородцевъ¹⁾, которые, карабкаясь по горамъ и переплывая моря, непрерывною вереницею били челомъ у подножія дворца. Находящееся на СВ. отъ Китая владѣніе Нургань лежитъ за отдаленными инородцами. Народъ его называется Цзи-лѣ-ми²⁾ и между нимъ смѣшанно живутъ разные дикари. Всѣ они сгорали любовію къ нашему просвѣщенію (т. е. готовы были признать власть Китая), но не могли сами придти. Къ тому же земля ихъ не родитъ хлѣба, не производитъ полотна и шелка и жители ихъ разводятъ только собакъ и дикихъ³⁾ занимаются рыболовствомъ, питаются мясомъ и одѣваются въ шкуры и любятъ . . .⁴⁾. Трудностей заготовленія пици и одежды невозможно выразить. Поэтому августѣйшій императоръ отправилъ посланца въ ихъ владѣнія . успокоенія

1) У А. М. Позднѣева: Не прошло 50 лѣтъ, а между тѣмъ 9 инородцевъ и 8 маней

2) Въ переводѣ А. М. Позднѣева мы не имѣемъ упоминанія о Цзи-лѣ-ми.

3) «Оленей» въ переводѣ Позднѣева—что очень правдоподобно.

4) Словъ «стрѣлять изъ лука», имѣющихся у Позднѣева, намъ разобратъ не удалось.

..... Но сердце государя..., что роздано нехорошо. Весною 9-го года правления Юнь-лэ (1413) нарочито отправленъ придворный чиновникъ Ишиха во главѣ 1000 слишкомъ человекъ правительственнаго войска на 25 большихъ лодкахъ¹⁾ съ тѣмъ, чтобы снова достигнуть ихъ владѣнія и уговорить Нурганей. вмѣстѣ..... народомъ. прежнее занятіе..... Сегодня снова увидали свѣтъ Божій. Вслѣдъ за симъ... правительство... правителемъ. остальнымъ государь пожаловалъ властныя дщицы, бунчуги, печати и наградилъ платьемъ... деньгами (ассигнаціями). Отправлено было въ большомъ количествѣ... Опираясь на внезапно появившійся отрядъ съ..., собравъ старое подвластное населеніе, предоставилъ его собственному управленію²⁾. Зимой 10-го года Юнь-лэ (1412) сынъ неба приказалъ придворному чиновнику Ишиха... отправиться въ это владѣніе. Всѣхъ жителей на 3. отъ моря до Нурганя, включая и заморскихъ Ку-и'сцевъ³⁾, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ пожаловалъ платьемъ и утварью, далъ имъ хлѣба, угостилъ ихъ виномъ и кушаньями; всѣ... были рады и не было ни одного человека, который бы не изъявилъ покорности. Отъ императора пожалована золотая печать.....⁴⁾ (выбрано) мѣсто для построенія... (очевидно кумирни), для просвѣщенія народа и наученія его почительности и послушанію. Государь вслѣдствіе... народъ взаимно... На 3. отъ Нурганя была станція Маньцинъ; палѣво отъ нея лежала высокая и красивая гора, поэтому на ней осенью 11-го года (1413) и воздвигли кумирню въ честь Гуань-инь (Авалокитешвары). Теперь, когда построили кумирню и вылѣпили изображеніе будды, наружный видъ... прекрасный..... Нурганьскіе старики и малыя дѣти, близкіе и далекіе толпами наперерывъ устремлялись... всѣ говорили..... могущество... никогда не будетъ эпидемій и будемъ наслаждаться спокойствіемъ. И затѣмъ прибавляли: искони вѣковъ мы не слышали ничего подобнаго..... народа..... радостно приходитъ. Дѣти и внуки изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ покорны... (и признательны) за благодѣянія. Изъ этого видно, что даже за предѣлами 10.000 странъ народы всей земли ни голодаютъ, ни холодаютъ, радуются⁵⁾... и признательны. Гуман-

1) 55 у Позднѣва.

2) У Позднѣва: «Западъ поставилъ кумирню... приготовилъ угощеніе». О постановкѣ кумирни и угощеніи въ нашихъ текстахъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намѣка.

3) О Ку-и, подъ которымъ разумѣется о-въ Сахалинъ мы въ переводѣ г. Позднѣва не встрѣчаемъ упоминанія.

4) Вмѣсто словъ: «Золотая печать» мы имѣемъ у г. Позднѣва «... Золото (Цзиньская династія»).

5) Выраженіе «народъ не голодаетъ, не холодаетъ и веселится», являющееся обыкновенною характеристикой гуманнаго правленія, у г. Позднѣва переведено словами: «Трудно не знать голода и холода и быть веселыми».

ное правленіе Яо и Шуня (сосредоточивалось) въ предѣлахъ 9 областей. А нынѣ нашъ государь распространяетъ милости на всѣхъ варваровъ и всѣ идутъ съ данью ко двору его и изъявляютъ ему покорность безъ употребленія силы оружія. Въ Чжунъ-юнѣ сказано ¹⁾: Повсюду, гдѣ небо простираетъ свой покровъ, гдѣ земля поддерживаетъ твари, гдѣ свѣтятъ солнце и луна, гдѣ падаютъ иней и роса, тамъ всѣ одушевленные существа почитаютъ и любятъ (государя); поэтому говорится, что онъ чета небу». Дѣйствительно это изрѣченіе относится къ нашему Обладающей совершеннѣйшею и постоянною искренностью по субстанціи тождественъ съ небомъ . и у него нѣтъ ничего выше . Великолѣпно . По этому . . для увѣковѣченія на вѣчныя времена. 11-го года 9-й луны (1413).

— Затѣмъ на памятникѣ перечисляются имена лицъ, такъ или иначе, имѣвшихъ отношеніе къ его сооруженію. Между ними мы встрѣчаемъ начальника военнаго округа, тысячниковъ, начальниковъ гарнизоновъ, сотниковъ, по большей части съ монгольскими именами ²⁾, лекарей, надзирателя за сооруженіемъ, сочинителя надписи, писца киноварью, писца монгольскаго текста по имени Арубухуа, лѣпщика, кузнеца, мастера, вѣдавшаго приготовленіемъ кирпича и черепицы и даже кладчика. Въ этомъ перечнѣ останавливаетъ наше особенное вниманіе упоминаніе о переписчикѣ монгольскаго текста. Казалось бы, что такая же честь должна была выпасть и на долю переписчика чжурчжэньскаго текста, о которомъ упоминаетъ проф. А. М. Позднѣевъ въ своихъ Запискахъ по исторіи монгольской литературы; но этого мы на памятникѣ не видимъ.

— Второй памятникъ въ той же самой кумирнѣ Юнь-нинѣ поставленъ былъ перваго числа послѣдней весенней луны 9-го года Правленія Сюань-дэ (1434 г.) т. е. черезъ 21 годъ послѣ постановки перваго.

Съ текстомъ этого втораго памятника я впервые ознакомился изъ Статистическаго Описанія Гириньской провинціи. Къ сожалѣнію отсутствіе въ приводимомъ текстѣ большей половины знаковъ дѣлаетъ полный переводъ его совершенно невозможнымъ и потому мнѣ приходится ограничиться передачею тѣхъ фактовъ, которые еще могутъ быть до извѣстной степени поняты изъ оставшихся на памятникѣ китайскихъ знаковъ.

Этимъ путемъ мы узнаемъ, что варвары разныхъ странъ приходили съ данью къ минскому двору; встрѣчаемъ также упоминаніе о народѣ Цзи-

1) Чжунъ-юнъ, т. е. Обычныя, неуклонныя правила — это извѣстное философское сочиненіе Цзы-сы, внука Конфуція. Фраза надписи «въ книгѣ Чжунъ-юнъ сказано» въ переводѣ г. Позднѣева обратилась въ непонятныя слова: «Внутри. явилось спокойствіе».

2) Сайнъ-Бухуа, Хачиръ, Алигэ, Чаханъ-тэмуръ и т. п.

лѣ-ми (Килеры) и Куи (Сахалинцахъ), уже знакомыхъ намъ изъ перваго памятника, доступъ къ которымъ возможенъ только на судахъ; узнаемъ, что въ царствованіе перваго Минскаго императора въ Нургань было отправлено первое посольство, но ему не удалось проникнуть туда, что новое посольство было отправлено туда при второмъ императорѣ (1403—1424) и достигло его на судахъ. Очевидно это было второе посольство евнуха Ишиха, упоминаемое въ первомъ памятникѣ. Далѣе, мы узнаемъ, что въ числѣ мѣстныхъ произведеній, отправленныхъ Нурганьцами въ дань минскому двору были между прочимъ кречеты; что въ началѣ годовъ правленія Сюань-дэ (1426—1435) тотъ же евнухъ Ишиха былъ снова отправленъ въ Нургань и украсилъ буддійскую кумирню, что въ 7-ой годъ того же правленія, т. е. въ 1432 г. императоръ приказалъ тому же евнуху Ишиха вмѣстѣ съ провинціальнымъ военнымъ начальникомъ Канъ-чжэномъ во главѣ отряда въ 2000 человекъ уже на 50 большихъ судахъ отправиться въ Нургань. Тамъ они нашли все по старому, и отъ кумирни Юнь-шинъ осталось одно только основаніе. Поэтому Нурганьцы пришли въ трепеть, опасаясь, что минскій посланникъ казнитъ ихъ; но Ишиха, проникнутый идеею милосердія своего повелителя, обошелся съ ними милостиво, удостоивъ ихъ виномъ и отдалъ приказъ о возстановленіи кумирни, и также приказалъ мастеру вылѣпить кумирь будды. Какъ самая кумирня, такъ и кумирь оказались лучше прежнихъ и народъ изъ далекихъ и близкихъ мѣстъ приходилъ на поклоненіе. Далѣе идутъ комплименты по адресу минскаго Государя, челоуколюбіе котораго простирается даже на всѣхъ варваровъ, между которыми нѣтъ ни одного голоднаго и холоднаго. Восхваляется также челоуколюбіе и его достойнаго евнуха Ишиха.

Поставленъ 1-го числа послѣдней весенней луны 9-го года правленія Сюань-дэ (1434 г.) великой минской династіи.

Далѣе слѣдуютъ имена: командированный по высочайшему повелѣнію главнозавѣдующій евнухъ Ишиха, завѣдующій императорскими лошадьми Чжэнь . цзинь, евнухъ Фань . ., Военный Губернаторъ Ляо-дуна Чжэнь и Командиры Гао-суй и Цуй-юань.

На обратной сторонѣ памятника монгольская надпись. По бокамъ памятника, за исключеніемъ буддійскаго молитвеннаго восклицанія: «Омъ Мани. Падмэ Хумъ» написанаго по китайски, все остальное, по словамъ составителей Описанія, написано по монгольски.

Такимъ образомъ, этотъ второй памятникъ, поставленный спустя какихъ-нибудь 20 лѣтъ послѣ перваго и притомъ тѣмъ же лицомъ не имѣетъ Чжурчжэньскаго текста.

Особенный интересъ представляютъ для насъ замѣчанія и историческія

справки въ Статистическомъ Описаніи Гириньской провинціи въ объясненіе надписей на вышеупомянутыхъ двухъ памятникахъ, къ которымъ мы теперь и обращаемся.

По поводу владѣнія Нургань въ Государственной Хроникѣ минскихъ государей (Минь-ши-лу) мы встрѣчаемъ, что во второй годъ правленія Юнь-лэ (1404 г.) во второй лунѣ старшина Чжурчжэньскихъ (нью-чжи) изъ Хуравэнь и другихъ мѣстъ по имени Баратала прибылъ ко двору. Тогда былъ учрежденъ Нурганьскій военный округъ и Баратала, Арасунь и двое другихъ туземцевъ были сдѣланы военными начальниками. Въ седьмомъ году тогоже правленія (1409 г.) въ Нургани было учреждено военное губернаторство и Канъ-ванъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ. Ежегодная дань состояла изъ кречетовъ, соболей и другихъ мѣстныхъ произведеній, для пересылки которыхъ была восстановлена собачья почта. Административныя перемѣны въ Нурганьской землѣ имѣли мѣсто въ 1414, 1428 и 1333 гг., т. е. въ три посѣщенія ся евнухомъ Ишиха; причемъ однако всѣ должности были наслѣдственными.

Но первыя упоминанія о Нурганьской землѣ, по словамъ составителей Описанія встрѣчаются уже въ географическомъ отдѣлѣ Юаньской Исторіи, гдѣ говорится, что «есть прекрасная птица Хай-дунъ-цинъ (кречеть), которая прилетаетъ въ Нурганьскую землю. Въ Чжо-гэнь-лу, т. е. «Запискахъ, составленныхъ на досугѣ отъ земледѣльческихъ работъ», изданныхъ Тао Цзунъ-и въ 1368 г. также встрѣчается упоминаніе о Нурганьской землѣ, какъ странѣ, служившей мѣстомъ ссылки. Въ Минской Географіи говорится, что «отъ Нью-чжи на С. доходятъ до Нурганьскаго сѣвернаго моря». Это именно, замѣчаютъ составители Описанія, тѣ мѣста, которыя нынѣ лежатъ по обѣимъ берегамъ Амура и на которыхъ обитаютъ Фяка, Килеръ и др. племена. Изъ Минскаго Свода Законовъ мы узнаемъ въ 1404 г. (Юнь-лэ второй годъ) Нью-чжи'скіе дикари представлялись ко двору, послѣ чего вся ихъ земля присоединилась къ Китаю. Но Нурганьское Губернаторство учреждено было только въ 9-мъ году Юнь-лэ.

Нурганьскій народъ Цзи-лѣ-ми 吉列迷 составители Статист. Описанія Гириньской провинціи отождествляютъ съ племенемъ Цзи-ра-минь 濟喇敏 Цзиньской исторіи, съ Тѣ-лѣ-мѣ 帖烈滅 Юаньской и Алимэй 阿里眉 Киданьской географіи, называемомъ нынѣ Цзи-лэ-ми 濟勒彌, въ дѣйствительности это Килеръ 奇勒爾, которые, прибавимъ мы, и до нынѣ обитаютъ въ этихъ мѣстахъ.

Относительно Ку-и 若夷 составители Описанія съ полною увѣренностью утверждаютъ, что это нынѣшній о-въ 庫頁爾, то есть Сахалинъ.

Затѣмъ относительно текстовъ перваго памятника составители описа-

нія категорически утверждаютъ, что «на задней сторонѣ его и по бокамъ все монгольскія письма и нѣтъ никакихъ другихъ и что упоминаніе въ концѣ текста памятника, при перечисленіи именъ, одного только переписчика монгольского текста Арубухуа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на задней сторонѣ и по бокамъ только эти одни письма являются написанными въ то время», то есть однимъ изъ двухъ подлинныхъ текстовъ памятника.

Такимъ образомъ надежды на богатую лингвистическую добычу, которую сулилъ предполагаемый Чжурчжэньскій текстъ, къ сожалѣнію, повидимому должны рухнуть и намъ приходится довольствоваться только тѣмъ, что даютъ тексты китайскій и монгольскій.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о присутствіи или отсутствіи на памятникѣ третьяго Чжурчжэньскаго текста надписи можетъ быть окончательно рѣшенъ только послѣ тщательнаго осмотра памятниковъ, хранящихся, по словамъ Пр. Позднѣева, въ Владивостокскомъ музеѣ и новаго снятія съ него всѣхъ надписей. [См. ниже, «Дополненіе». *Ред.*].

Изъ перваго мы узнаемъ 1) неизвѣстный въ Анналахъ Минской династїи фактъ, что въ первой половинѣ XV в. Минскіе императоры, вѣроятно движимые тѣмъ же самымъ чувствомъ тщеславія, которое руководило ими при снаряженіи въ тоже время огромныхъ морскихъ экспедицій въ Индійскій Архипелагъ подъ командою знаменитаго внука Чжэнь-хэ, распространяютъ свою, хотя болѣе или менѣе номинальную, власть, на устье Амура—на страну Нургань, населенную Килерами и разными дикарями и стараются подарками расположить къ себѣ сахалинскихъ островитянъ, образуютъ Нурганьскій округъ, неизвѣстный въ исторіи Минской династїи и подчиняютъ его наслѣдственнымъ властямъ изъ туземцевъ. 2) Для укрѣпленія въ странѣ вліянія Миновъ и развитія въ народѣ чувствъ покорности и послушанія, посланникъ ихъ Ишиха сооружаетъ буддійскую кумирню, на которую, какъ видно изъ перваго памятника, населеніе смотритъ съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, какъ на талисманъ противъ распространенія повальныхъ болѣзней. Но съ отъѣздомъ китайскаго посланника впечатлѣніе это, вѣроятно подъ вліяніемъ шамановъ, увидѣвшихъ въ буддизмѣ конкурента для своей религіозно-эксплуататорской дѣятельности, быстро мѣняется и дѣло, какъ это видно изъ втораго памятника, оканчивается разрушеніемъ кумирни, сооруженіе которой привѣтствовалось съ такою радостью. 3) Узнаемъ мы также изъ перваго памятника объ условіяхъ жизни и быта главнаго племени Килеръ и смѣшанно жившихъ съ нимъ разныхъ дикарей, обитавшихъ въ первой половинѣ XV в. въ мѣстахъ, прилегающихъ къ устью Амура, условіяхъ, ничѣмъ не отличающихся отъ быта современныхъ

намъ насельниковъ ихъ Гиляковъ и другихъ ипородцевъ, достояніе которыхъ, какъ и тогда, состоитъ изъ собакъ и оленей, одежда — изъ шкуръ ихъ, а пища изъ рыбы и мяса, добываемыхъ охотой.

П. Поповъ.